

АПЛОДИСМЕНТОВ НЕ ТАЯ

ХОРОШИЙ театр еще нужно заслужить, потому что не бывает так, чтобы театр все был плохой, плохой и вдруг поставил шедевр.

Театр растет постепенно. И что самое главное, растет вместе со зрителем и во многом — благодаря ему. Всегда ли мы помним об этом? Отдаем ли себе отчет, что наш незлобивый смех по поводу не к месту опущенной декорации ранит актеров, которые, конечно же, уже заметили промах рабочих сцены и всеми силами пытаются сохранить атмосферу зрелища, свое настроение, необходимое для дальнейшего действия? Сознаем ли мы, что холодное молчание зала в тот момент, когда зритель достиг кульминации, закрепощает актера, потому что свой исход такая сцена может найти только в зрительских аплодисментах?

Я прекрасно понимаю главного режиссера театра В. Я. Левинского, который, обращаясь к студентам пединститута, приглашенным на генеральную репетицию одного из спектаклей, говорил примерно так:

— У меня к вам очень большая просьба, девушки: почувствуйте себя сегодня не зрителями, а участниками спектакля. На генеральной репетиции актеры особенно волнуются — помогите им, аплодируйте так, словно вас не пятьдесят человек, а полный зал.

И нужно было видеть, как набирал жизнь спектакль от жара старательно работавших девичьих ладошек.

Рецензент, следя за спектаклем, считает его пульс — вот тут ровно, вот тут слишком медленно (так ему, по крайней мере, кажется). И одновременно он незлоиво слушает зал, отмечает про себя совпадение и несовпадение реакции зрителей с тем, что происходит на сцене, с тем, чего хотели добиться актеры и режиссеры.

ЗАМЕТКИ ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО ЗРИТЕЛЯ

Приятной похвалой выглядят в рецензии слова о том, что актриса А. была награждена горячими аплодисментами. А если актер Б. сыграл прекрасно свою роль и аплодисментов не получил, это кому комплимент? Зрителю?

Ну, а если не очень прекрасно? Мы недавно болели у экранов своих телевизоров, когда Галина Кулакова победно наслась к финишу. Но не менее горячо мы болели и за Нину Статкевич, хотя и видели, что бежит не очень резко и никакая медаль ей не светит.

— Ну, — возразит мне читатель, — там Олимпиада, раз в четыре года, предельное напряжение сил.

А вы думаете, Татьяна Иконен было легко играть болящую девочку в спектакле «Сотворившая чудо» А Лидии Чукаевой и Алексее Юрину легко в перлюстрированном «Маскараде»? Знаете ли вы, что актеру после самого радостного спектакля нужно несколько часов, чтобы успокоиться, привести в порядок нервы, почувствовать ровный пульс — так велико напряжение.

Нет, молчание зрительного зала — это не только упрек актеру (даже если они его заслужили), но и упрек самому залу.

С этих, не очень оригинальных мыслей мне затолосило бы начать разговор о новом спектакле Магаданского театра «А зори здесь тихие...». Спектакль этот небезупрочен. Может быть, актер Сергей Коломийченко при другой ситуации (а здесь так получилось, что заболел режиссер-постановщик) выбрал бы для своего режиссерского дебюта иную пьесу. Не знаю какую, но все-таки пьесу, а не литературную композицию, каковой является сценический вариант известной повести Бориса Васильева. Сама композиция сделана превосходно, а ней сохранены все лучшее, что есть в повести. Но как ее ставить, если действие все время разбивается отступлениями, комментариями, если действующие лица то и дело должны выходить за рамки своих ролей и произносить текст чужих авторов? Публицистический характер спектакля, спектакля откровенно условного — в данном случае единственно возможное решение. Но как примирить неизбежную условность с необходимой достоверностью, без которой публицистика окажется риторикой? Как, наконец, добиться этой достоверности, если она все время взламывается?

Вот здесь создателей спектакля подстерегала, как мне кажется, главная трудность. И преодолеть ее удалось неполностью. Во-первых, излишне экспрессивным даже для такого условного спектакля оказалось оформление, выполненное художником Тимуром Дидишвили. Во-вторых, режиссеру не удалось найти ритм спектакля — вторая половина первого акта выглядит очень затянута. И, в-третьих, не удалась, как мне кажется, роль старшины Васкова артисту А. Юрину. По Васильеву, в старшине — «твердое немногогласие, крестьянская неторопливость и та особая, мужская основательность». А в спектакле Магаданского театра Васков криклив, тороплив, почему-то дерзок (а диалог с майором), ироничен (а диалог с Гурвич о родителях). Настоящие васковские черточки плавают, как отдельные льдинки, в бурном крошеве чужих интонаций. Это несоответствие заметно на протяжении всего спектакля и особенно удручающим выглядит в финале, в сцене пленения немцев, где Васков — Юрий кричит (!) в невероятной истерике. Убедительность финала, как известно, — свойство наимажнейшее для успеха спектакля.

Значит, в спектакле все плохо? Отнюдь. Главное его достоинство — это пять героинь, пять разных характеров, уверенно сделанных молодыми актрисами нашего театра.

Валентина Мартынова исполняет роль Лизы Бричкиной. Я знаю много ее работ — от самых первых, показанных на сцене Магаданского театра. Откровенно говоря, они не казались мне удачными. Перелом произошел в прошлом году, в спектакле «Красавец мужчина», где Валентина впервые преодолела скованность, неуверенность в себе и играла с удовольствием. Потом, уже в этом сезоне, был спектакль «Здравствуй, Крымзвиз». Эпизодическую роль девочки-подростка В. Мартынова сыграла нежно, с любовью, уверенно. Можно предположить, что В. Мартыновой трудно было работать над последней ролью — внешне она мало похожа на свою героиню, та крупнее, выглядит старше, сузлее. Но актриса уловила главную ее черту, — простоту, которая не синоним глупости, а выражения цельности характера, правильности каких-то его первооснов.

Другим открытием этого спектакля я считаю Людмилу Стрельникову в роли Гали Четвертак. Это ее вторая роль на сцене нашего театра, и по этой работе можно уже судить о творческих возможностях актрисы. Ее рисунок роли острее (местами — едва ли не гротесковий), чем у других исполнительниц, но это диктуется ролью и потому оправдано.

Лидия Чукаева в роли Риты Осениной. Роль немногословная, без особо эффектных сцен. В исполнении Л. Чукаевой Осенина получается интеллигентней, чем она написана Васильевым, и менее воинственной, чем можно было бы предположить. Следует оговориться, что все пятеро героинь лишены воинственности, и в каждой это оправдано по-своему — это усугубляет трагедию. Но почему воинская черточка отсутствует в характере старшего сержанта Хирьяновой, роль которой исполняют Г. Воробьева и Г. Раевская? Почему старший сержант (по повести — фронтовичка) у Г. Воробьевой лишь кокетливая женщина неопределенного возраста, а у Г. Раевской — и тому же и не без вульгарности? Вот этого я не могу понять. То, что делает на войне младший сержант Осенина (а в исполнении Л. Чукаевой), лишено службистского равнения, не проистекает из личной доблести. Даже мотая мести за погибшего мужа-пограничника приглушен (вернее, он только завывает в монологе «от автора»). Рита зовет, как делают тяжелейшую, но необходимую работу. И за этим просвечивают прекрасные черты ее характера.

Татьяна Иконен исполняет роль Сони Гурвич очень строго, лаконично. Может быть, даже суховаты. Но эта суховатость кажется уместной, когда рядом с ней экспансивная, яркая Комелькова в исполнении Ларисы Шакук. А вот дебютантка Магаданского театра Лидия Шилилова выглядит в роли Комельковой бледно. Не исключено, что это вовсе не ее роль и в будущих спектаклях мы увидим уверенную работу молодой актрисы.

Мне думается, что многие трудности, которые были так заметны в позапрошлом сезоне Магаданского театра, уже преодолены. Драматическая труппа пополнилась интересными актерами, у нее появились свои режиссеры, более продуманно формируясь репертуар. И хотя процесс становления драматического театра еще отнюдь не завершён, но обнадеживающие приметы имеются. Так что «болеть» за Магаданский театр стоит — не из вежливости, а уже из вполне оправданного интереса.

Б. АЛЕКСАНДРОВ.